

фундаментальную «Историю русской общественной мысли». За двадцать лет до этого, в 1888 г., он вел переговоры с С.М. Кравчинским об издании в Лондоне на английском языке книги «Правительство и литература в России», в которой предполагал рассмотреть политические судьбы выдающихся представителей русской мысли XVIII-XIX вв. В одном из писем Кравчинскому он писал о плане издания: «Мы рассказали бы о лицемерном либерализме Екатерины II, о неистовствах Павловской цензуры, о ссылке Пушкина, Лермонтова, об аресте Тургенева за похвальную статью о Гоголе, о ссылке Грибоедова, об отдании в солдаты Полежаева, о преследованиях Костомарова, Шевченко, Достоевского, М. Михайлова, Чернышевского, о том, что лишь смерть спасла Белинского от «квартиры у Дубельта», о том, наконец, что почти все талантливые писатели настоящего времени перебивали или еще остаются в ссылке» (См.: Тютюкин С.В. Указ. соч. С. 269-270). Это издание как оно было задумано, не было осуществлено. Но идея в той или иной степени осуществлялась Плехановым всю жизнь. В апреле 1909 г. он получил предложение от издательства «Мир» написать исследование объемом до 30 п.л. об истории русской общественной мысли XIX-го века. Дав согласие, Плеханов представил издательству свой план книги. В нем были расширены хронологические рамки исследования, охватившие ХУIII и XX вв. Соответственно, был увеличен и объем книги на 10 п.л. План этот состоял из 9 разделов: 1. Общее историческое введение; 2. Век Екатерины II (Новиков, Радищев и др.); 3. Павел I и Александр I. Декабристы; 4. Николай I (общий обзор состояния страны и литературы, славянофилы, западники, петрашевцы); 5. Александр II (60-е годы, революционные кружки, народничество,

«хождение в народ», народолюбчество, катастрофа 1 марта 1881 г.); 6. Александр III (вырождение народничества и возникновение марксизма); 7. Николай II – первая часть (спор народников и субъективистов с марксистами, дифференциация в марксизме, «критика Маркса»); 8. Николай II – вторая часть (политические партии: европеизированный либерализм, социал-демократы, социалисты-революционеры); 9. События 1905-1907 гг. и их влияние на эволюцию русской общественной мысли (Философско-литературное наследие Г.В. Плеханова. М., 1974. Т. III. С. 255). К сожалению, полностью этот план Плеханова не выполнил, хотя продолжал работать над книгой вплоть до своей смерти. При жизни вышло два тома «Истории русской общественной мысли». Третий том увидел свет уже после смерти автора. Подготовительные материалы к работе (выписки, варианты и т.п.) составляют десятки папок, хранящихся в архиве Плеханова.

«История русской общественной мысли» – уникальное историко-философское исследование, сохраняющее научное значение до настоящего времени. Оно интересно прежде всего персоналогическими очерками, порой, не самых известных деятелей русской общественной мысли, совершенно уникальным анализом социально-политического контекста. К сожалению, до сих пор в современной России так и не нашлось издательства, которое переиздало бы этот труд русского марксиста с соответствующим современному уровню историко-философских исследований научным аппаратом. Впрочем, то же можно сказать и обо всем объеме работ Г.В. Плеханова, посвященном истории русской философии.

АКТУАЛЬНОСТЬ

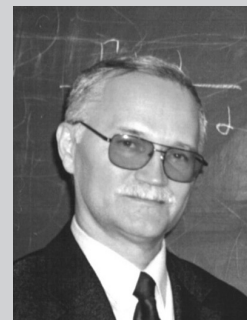
ПЛЕХАНОВА: ФИЛОСОФСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Г.В. ПЛЕХАНОВА

К.Н. Любутин В.М. Русаков

Любутин Константин Николаевич
доктор философских наук,
профессор,
главный научный сотрудник
Института философии и
права УрО РАН,
заслуженный деятель науки
РФ

Русаков Василий Матвеевич
доктор философских наук,
профессор,
зав. кафедрой общих
гуманитарных дисциплин
Института международных
связей

Юбилей Г.В.Плеханова – прекрасный повод для нового обращения к судьбам его теоретического

наследия и политической деятельности. Интерес этот носит отнюдь не архивный характер.

По прихоти исторического развития России произошло возвращение к проблемам, над решением которых бился Плеханов: перспективы развития капитализма, выбор путей развития, движущие силы его. Как ни печально, спустя столетие, Россия снова стоит перед вопросом: что сулит ей развитие капитализма? И так же, как в прошлом, ответ далеко не очевиден.

Исследователи отмечают, что «постперестроечная» литература о Плеханове весьма немногочисленна. Г.В. Плеханов в советской историографии, несмотря на хрестоматийные заклинания В.И.Ленина о том, что нельзя стать марксистом, не усвоив того, что было написано Плехановым, оставался довольно неудобной фигурой. И тому есть целый ряд причин. Одна из них заключалась в том, что в условиях крайней политизации и догматического извращения марксистской теории сталинизмом ни о каком серьезном разборе фундаментальных проблем марксизма не могло быть и речи. Считалось, что все споры периода становления марксизма разрешены опытом Октябрьской революции и последующим строительством социализма в СССР.

В перестроечный период Плеханову тоже не повезло. Первоначально всплеск интереса к нему выстраивался как к теоретику, впервые давшему глубокую критику ленинизма и прозорливо предсказавшему грядущий крах большевизма.¹ Но очень скоро идеологи «номенклатурной революции», взяв курс на построение в стране дикого рыночного капитализма, утратили и эти остатки интереса к наследию Плеханова. Однако в этом есть один аспект, остающийся пока за рамками внимания исследователей. «Перестройка», будучи исключительно двусмысленной, если не сказать лицемерной, политической линией, столь же двусмысленна и в своей мифологии: межеумочность проповедей о благостной и чудодейственной роли рынка, монетаризма, крахе коммунизма и спасительности капитализма не могли не отразиться во всем, к чему прикасались идеологи и политики капиталистической реставрации.

Однако хорошо известно, что проблемы, не решенные однажды, будут возникать вновь и вновь; история, не получив адекватного ответа на свой вызов – будет вновь и вновь возвращать общество к исходному пункту, но каждый раз на новом уровне, все более отягощенном последствиями неверных решений.

Подобное же в полной мере относится к тому, о чем так яростно спорили Г.Плеханов и В.Ленин.

Во-первых, можно уверенно прогнозировать возвращение и усиление интереса к этому спору в средесерьезных исследователей. Нынешнее тотальное увлечение «правой» идеологией и политикой неизбежно сменится своей противоположностью хотя бы потому, что политика и идеология страны без «левой» составляющей — все равно, что

человеческий мозг без левого полушария! Кстати, уж если использовать эту аналогию, то нелишне заметить, что левое полушарие «отвечает» за абстрактно-логическое мышление.

Во-вторых, спор Плеханова и Ленина по проблеме творческого развития марксизма актуален и сегодня с точки зрения взаимосвязи теории и практики. Как развить и чему следовать — стройной кабинетной теории или живой практикой? Правильно отмечают современные авторы, что ленинские обвинения Плеханова «в догматизме» остаются расхожими, несмотря на то, что исчезло догматическое преклонение перед ленинскими формулами.²

И это не случайно, потому что плехановские аргументы в защиту русского либерализма и капитализма, необходимости следовать классическим рецептам марксизма в свете исторического опыта России не представляются столь уж однозначно непогрешимыми. Еще при жизни Плеханова в меньшевизме сложились две позиции в отношении большевизма: так называемая «жесткая» (Плеханов) и «мягкая» (Мартов). Главный пункт расхождения в оценке — объективная обусловленность большевизма в истории страны, «правомерность» большевистского варианта социально-политического и экономического развития страны. В отличие от Плеханова, считавшего большевизм авантюризмом, антидемократическим, диктаторски-террористическим направлением, навязывающим «скачок России в социализм», — Мартов считал большевистскую революцию закономерным результатом стихийного хода русской революции в целом, определившим как преимущества большевизма, так и его пороки.

Проблема степени зрелости исторических предпосылок и условий для социально-политического преобразования страны, как показывает сегодняшняя полемика в стране, — остается исключительно актуальной.

Сегодня продуцируется немалое число всевозможных фальсификатов отечественной истории в виде псевдоисторических опусов, извращающих или, по крайней мере, замалчивающих факты, в виде якобы художественных поделок, воспевающих царизм и «прелести» самодержавия.³ Человеку, отравленному сегодня массовой культурой, замешенной на таких продуктах, крайне трудно понять степень всеобщей ненависти самых широких слоев населения к царизму и готовности к решительной борьбе с ним вплоть до самопожертвования (тем более, что и самоотверженная борьба русских революционеров сегодня цинично приравнена к терроризму и прямой уголовщине).

Общеизвестно, что в 70-80-х годах XIX века наивысшего напряжения революционное народничество достигает в борьбе организации «Народная воля». Народничество этого периода вдохновляется революционно-демократическими идеями В. Белинского, А.Герцена, Н.Чернышевского, Н.Добролюбова.

В свете этих тенденций и событий становится понятным, что Г.В.Плеханов в первые годы своей общественной деятельности принимал участие в революционных народнических организациях. Это — тоже значимый факт: нужно понять, почему, в общем, не бедный человек, становится революционером? Образование и культура, помноженные на нравственные качества личности, приводят ее к пониманию того, что люди достойны лучшей участи и к пониманию необходимости борьбы за это⁴. Жизненный путь Г.В. Плеханова в год его 150-летия заставляет нас подумать и об этом.

Впоследствии, в зрелые годы он немало своего исследовательского внимания уделил взглядам тех, кого считал своими учителями и наставниками. И опять: как не сравнить с днем сегодняшним, когда, якобы, ученики сплошь и рядом отказываются от того, чему учились в юности, не только предают идеалы тех, кто дорогой ценой платил за выработку их и верность им, но искажают и извращают их для оправдания того простого факта, что сами никогда и ни во что не верили, а только «колебались вместе с генеральной линией» партии власти. Плеханов выступил как один из первых и самых глубоких и обстоятельных исследователей русской революционно-демократической мысли.

Реалии освободительного движения (разгром революционного народничества, наблюдения над русским обществом и его развитием) заставили его искать современного и эффективного теоретического инструментария для объяснения их и прогнозирования. Он делает выбор в пользу марксизма.

Немаловажный вопрос — почему? Правильно позднее отметит Н. Бердяев, что увлечение идеями марксизма и его стремительное распространение в русском обществе — результат выбора образованных слоев общества в пользу общемировых и общеевропейских тенденций развития России. Страна неуклонно вращалась в капиталистический мир, который приобретал глобальный характер. Поэтому речь шла не только о разочаровании в народничестве, но и о выборе в пользу теории, впечатлявшей своей объяснительной и эвристической силой.

Для адекватного понимания роли и значения Г.Плеханова большое значение имеет его полемика с В.Лениным. Об этом справедливо писалось еще в 60-е годы прошлого века⁵. Справедливость этого тезиса подтверждается и сегодня.

В рассматриваемую эпоху в общественной жизни сильнейшее внимание привлекал к себе вопрос об историческом своеобразии России — как видим, он и сегодня продолжает оставаться в центре теоретических и политических споров. Насколько применимы к России закономерности развития, проявившиеся в других странах — в Европе, Америке? Должна ли страна повторять путь, пройденный другими (а, значит, народ ее должен пережить те же страдания и беды), или она способна

двигаться своим собственным путем?

Народники утверждали возможность России не проходить путь капиталистического развития — страна имела возможность наблюдать все негативные последствия дикого («рыночного») капитализма, которому тогда еще далеко было до «общества всеобщего благоденствия», «общества равных возможностей», «народного капитализма» и т.п. Писатели, общественные деятели пристально всматривались в европейское общество — как возможное будущее России и немало надежд возлагали на идею о возможности минования этой стадии развития. Народничество наиболее последовательно сформулировало ее, аргументируя сохранением в стране сельской общины, наличием в русском крестьянстве глубинного чувства коллективизма.

Плеханов (а потом и Ленин) стремился исходить не из желаемого, а из реально совершающегося движения. Страна в действительности уже вступила на путь капиталистического развития, что подтверждалось не отдельными фактами, а систематическим изучением характерных для капитализма социально-экономических отношений и институтов, социальных групп и их роли в обществе. Из этого исследования Плеханов делал вывод о том, что нужны не мечтания о том, что может быть, а чего не может, что желательно было бы, а что — нет. Этими проектами в изобилии была насыщена литература (и практика) прежнего утопического социализма. Необходимо было, изучив действительные (объективные) закономерности, на основе их разрабатывать действенные практические программы. Особое значение приобретала борьба за осуществление буржуазно-демократических преобразований, поскольку они являлись предпосылкой социалистических. В Европе, в условиях капитализма наиболее последовательной силой в борьбе с угнетением является пролетариат. Очевидно, не миновать этого и России. Вывод — необходимо создавать революционную партию рабочего класса. Оценивая позднее значение деятельности группы «Освобождение труда», В.И.Ленин сформулировал ее главную заслугу следующим образом: она основала русскую социал-демократию.

Другой проблемой, интенсивно разрабатывавшейся Плехановым, обнаруживающей свою актуальность, является проблема субъективного фактора исторического процесса. Как известно, ему принадлежит работа, составившая эпоху в русской и международной социально-философской литературе — «К вопросу о роли личности в истории». Содержанием проблемы является вопрос превращения человека из объекта в подлинного субъекта исторического процесса. Актуально в постановке проблемы Плехановым то, что он содержательно формулирует рациональное решение ее в противовес различным

субъективистским трактовкам причин и движущих сил процессов исторического развития. Он показал наивность и противоречивость, эвристическую несостоятельность примитивных представлений о «героях - делателях истории». Еще одной проблемой, остающейся актуальной в Плехановском наследии, является проблема социально-исторической сущности религии и религиозного сознания. Этому феномену Г.В. неизбежно посвятил немало внимания по целому ряду причин, которые также подчеркивают значимость целого ряда обстоятельств, важных и по сию пору. Во-первых, в ту эпоху религия и церковь занимали привилегированное и господствующее положение и потому в полной мере несут историческую ответственность за те альтернативы, которые реализовались в развитии страны в начале XX века. Об этом надо очень хорошо помнить всем тем, кто сегодня по зову ли нечистой совести, по недоброкачественности ли дискурса, взялся причитать о том, что, якобы, сделали большевики с «народом-богоносцем». Во-вторых, остается исторически бесспорным фактом то, что русское православие бесповоротно скомпрометировало себя в глазах русского народа в дореволюционный период своим категорическим отказом в любой форме встать на защиту народа от самых зверских форм угнетения.

Знакомясь с идеями Плеханова, поражаешься его огромной эрудиции, переживаешь эстетическое наслаждение великолепным стилем замечательного мастера, блестяще владеющего словом. Российской молодежи, стремящейся к мировоззренчески серьезной и продуманной духовной культуре, полезно и поучительно знакомство с работами Г.В. Плеханова. Они прекрасно иллюстрируют давно высказанную мысль о том, что к научному социализму люди приходят в итоге длительной и напряженной интеллектуальной работы, на основе усвоения и глубокой переработки самых передовых результатов современного теоретического познания и практики.

Весомость суждений Плеханова и его авторитет как теоретика и публициста основывались на тщательном усвоении и продуманности тех идей, которые он избирал путеводными для себя. Это касается, прежде всего, - марксизма и его философии.

Что сегодня, 150 лет спустя, сохраняет свое непреходящее значение в наследии Плеханова?

С самого начала своей деятельности как теоретика-марксиста и политического деятеля социалистического движения он не просто становится «правовверным» адептом избранного учения, немалое число которых К.Маркс и Ф.Энгельс саркастически именовали «большими марксистами, чем они сами». Плеханов стремится выделить то новое, что сделано было основателями марксизма в области философии. Он делает вывод, что «Появление материалистической

философии Маркса – это подлинная революция, самая великая революция, какую только знает история человеческой мысли»⁶. Два пункта здесь представляются ему принципиально важными: материализм и «эволюция» (развитие).

Будто нам сегодняшним говорит Г.В.Плеханов: «В первую половину нашего столетия мы присутствуем при полной реабилитации идеалистической философии. И слышать больше не хотят о материализме; о нем отзываются с крайним презрением»⁷. В этом он находит немалую долю справедливости — так прежний материализм поплатился за свою ошибку, за свое непонимание развития. Однако новый материализм не просто заговорил об эволюции — «От Маркса мы впервые получили материалистическую философию истории человечества»⁸. Новый материализм указал причину эволюции.

В самом философском материализме марксизма Плеханов выделяет исторический материализм и стремится самым тщательным образом исследовать и показать его коренные отличия от вульгарного «экономического» материализма, мальтузианства, географического детерминизма и прочих эклектических попыток объяснения исторического развития. В этом плане огромное значение имела его работа «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю». Но было бы ошибкой сводить к нему все содержание философского материализма Маркса.

В материалистическом понимании истории Плеханов выделяет постановку вопроса о закономерностях развития общества. Понять объективную необходимость и закономерность в развитии общества – вот центральный нерв его и суть.

Плеханов обосновывал мысль о том, что именно диалектика позволяет марксизму глубоко постигать законы социальной жизни, не прибегая к привлечению для этой цели биологических закономерностей. На этой методологической основе только и возможно конструктивное преодоление различных форм волюнтаризма и субъективизма. Историческая необходимость не исключает свободы действий людей. Свобода воли не существует сама по себе, а является следствием познания исторической необходимости (т.е. складывающихся независимо от воли людей объективных условий) и деятельности людей в рамках, задаваемых этими условиями.

Плеханов полагает, что бесполезно и ошибочно искать движущие силы исторического процесса вне практической деятельности людей. Он приложил значительные усилия для развенчания как представлений о полном субъективном произволе «свободной воли» людей, творящих историю, так и о якобы «железном» (экономическом) детерминизме, абсолютно предопределяющем поведение людей в обществе. Средством разрешения превратно поставленных реальных проблем

выступает марксистское понимание деятельности, в которой, собственно, и происходит взаимодействие субъективного и объективного, реального и идеального, переход одного в другое. Но Плеханов, верный марксистской диалектике, не останавливается на констатации этого факта. Необходимо не только зафиксировать противоположные стороны единого целого, но и показать, как и почему они едины, какая из сторон является ведущей, определяющей.

Довольно быстро, в конце 80-начале 90-х годов XIX века Плеханов занял видное место среди социалистов Западной Европы и Америки. Он получил признание как крупный теоретик марксизма и влиятельный деятель сложившегося к тому времени и окрепшего международного рабочего движения. Плеханов интенсивно публикует многочисленные статьи по политике, экономике, философии, истории, литературе, искусству в социалистической печати Германии, Швейцарии, Франции, Италии, Польше и др. Авторитет Плеханова как крупного социалистического теоретика укреплялся в 80-90-х годах, когда он публикует ряд блестящих работ, посвященных критическому анализу европейского утопического социализма А.Сен-Симона, Р.Оуэна, Ш.Фурье, Ж.-Прудона и др. («Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории», «О современном социализме», «Научный социализм и религия»). В критическом разборе мечтательного фантастического социализма этих теоретиков Плеханов оттачивает представления о подлинном, настоящем — научном социализме, преодолевающем исходные пороки своих прародителей.

Серьезным испытанием для воззрений Плеханова стала проблема творческого развития самого марксизма. Первым этапом для него стало появление концепции Э.Бернштейна. И хотя он усмотрел в ней не творческое развитие, а простую ревизию марксизма, тем не менее, вопрос не был решен: порочность предложенного варианта не снимала самой проблемы. А события развивались стремительно и надвигавшиеся перемены в самих основах жизни общества (при переходе общества от раннего капитализма к новой стадии, получившей название империализма; революция в науке в начале XX века, появление новых философских идей) настоятельно требовали адекватного теоретического инструментария.

Возникал кардинальной важности вопрос: достаточно ли эпистемологических ресурсов в самом марксизме для того, чтобы справиться с объяснением этих сдвигов и с прогнозированием развития общества и культуры?

В среде европейской социал-демократии назревал раскол. Одни считали, что объяснительные возможности марксизма исчерпаны: во-первых, новые явления, связанные с финансовым капиталом и появлением монополий, не вписываются в известные марксистские схемы, известные из «Капитала», а во-вторых, целый ряд принципиальных марксистских

идей оказались несостоятельными — так, вопреки прогнозам, капитализм оказался более живучим, не происходило абсолютного обнищания пролетариата и т.д. Требовали обновления и методологические основания марксистской теории: в конце концов, в значительной мере они соответствовали состоянию науки и философии первой половины девятнадцатого века. Это часто служило основанием для обвинений марксизма в том, что дальше философии XVIII века он не пошел. Появившиеся в конце XIX века новые философские концепции — неокантианство, философия жизни, экзистенциализм, позитивизм — ставили вопрос о разрыве с традициями классического рационализма. Марксизм должен был отвечать на вызовы времени.

Другие, и Плеханов в их числе, считали, что в марксизме заложен достаточный теоретический потенциал, позволяющий справиться со всеми проблемами, рождающимися современным обществом. С его точки зрения, речь идет о «мнимом кризисе» марксизма: об этом толкуют либо заведомые недруги его, либо те, кто следует скорее букве, а не духу учения. «Когда Бернштейн, писал он, — зовет нас вернуться к Канту и когда он критикует современный материализм... он этим доказывает только свое собственное невежество. Следовательно, с философской точки зрения, этот мнимый кризис не опасен»⁹. Разумеется, острота политической борьбы мало способствовала углубленной разработке философско-теоретических проблем — как с точки зрения сил и времени, так и с точки зрения неизбежной политизации подходов.

Таким образом, Г.В.Плеханов своими теоретическими трудами и практическими усилиями формировал черты глубокого социально-политического движения, в последующем фундаментально изменившего страну и мир. Без понимания этого обстоятельства невозможно адекватно понять ни характер его полемики с большевизмом, ни его отношение к Октябрьской революции. Он был и всю жизнь оставался социалистом, не только страстно верившим в «социалистическую судьбу» человечества и России, но и приложившим все силы для осуществления этой идеи.

1. С.В. Тютюкин. Г.В.Плеханов. Судьба русского марксиста. М., 2005, с. 12-14.

2. М.Е. Котельников. Основное противоречие марксизма. Социально-философская экспликация. М., 2005.с.267.

3. Вроде недоброкачественных с исторической точки зрения «публицистических» упражнений в защите «России, которую мы потеряли» путем протаскивания довольно кошунственного тезиса «за что боролись — на то и напоролись»: дескать, в сравнении с преступлениями сталинизма любые «держиморды» самодержавия были просто «отцами-кормильцами» народа.

4. Сегодня Россия подвергается колоссальной нравственной деградации и деморализации: населению пытаются внушить, что сострадание и сочувствие к угнетенному и обездоленному — абсурдно (он сам виноват,

это его проблемы!), что состояние всеобщей и тотальной продажности («свободный рынок») – это «естественное», нормальное и наилучшее состояние. Поэтому всякий, кто отказывается жить по этим меркам, рассматривается как некая патология.

5. См.: В.И. Ленин и русская общественно-политическая

мысль XIX-начала XX в. Л., 1969, с. 248.

6. Г.В. Плеханов. Избр. произв. т. 2. с. 450

7. Там же, с. 451

8. Там же, с. 452.

9. Г.В. Плеханов. О мнимом кризисе марксизма. Избр. филос. произв. т. 2. с. 841.

АНТРОПОЛОГИЯ МИФА

К.С. Романова

Романова Кира Степановна
кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник Института философии и права УрО РАН

«В действительности всё обстоит не так,
как на самом деле».

Станислав Ежи Лец.

Сегодня в обществе мифология как самостоятельная форма общественного сознания не является доминирующей, но при этом она в снятом виде существует в каждом архетипе. Поэтому общественное сознание в его реальных структурных формах не утратило свойств мифологичности. Различные формы общественного сознания продолжают пользоваться мифологемами как своим специфическим «языком», тем самым, формируя современные «социальные» или «политические» мифы.

Фундаментальный вклад в изучение мифологии, её связи с философией и культурой в целом внёс выдающийся русский мыслитель XX века А. Ф. Лосев. По Лосеву, миф – «это совершенно необходимая категория мысли и жизни, далекая от всякой случайности и произвола». И далее: «Он не выдумка, а содержит в себе строжайшую и определенную структуру и есть логически, т.е. прежде всего диалектически, необходимая категория сознания и бытия вообще». Миф есть «живое субъект-объектное взаимоотношение, содержащее в себе свою собственную, вне-научную, чисто мифическую же истинность, достоверность и принципиальную закономерность и структуру»¹.

Основой существования мифа являются, с одной стороны, субъектно-объектные отношения, а, с другой стороны, такое свойство сознания как идеальность, которое определяется целеполаганием. Целеполагание - существенный элемент человеческой деятельности, который характеризует как мыслительные процессы, так

и предметную деятельность человека, прежде всего - процесс труда.² Целеполагание является основой опережающего отражения человека, то есть основой создания мыслительного образа предмета или процесса, предшествующего и определяющего предметную деятельность. Именно это свойство формирует самосознание и его идеаторность – то есть способность творить и воспроизводить идеи.

Мифологема - одна из форм мышления субъекта. Иллюстрацией может служить высказывание выдающегося художника Пабло Пикассо: «Я рисую мир не такой, как я его вижу, а такой, каким я его мыслю». В обществе образом цели деятельности, объединяющей людей вокруг общей задачи, является идеал. Идеал есть идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека, класса, общества. Формирование природных предметов сообразно идеалу представляет собой специфически человеческую форму жизнедеятельности, ибо предполагает специальное создание образа цели деятельности до ее фактического осуществления. В виде идеала эти группы людей и создают для себя образ такой действительности, в рамках которого имеющиеся гнетущие их противоречия социальной действительности представляются преодоленными, «снятыми». Идеал выступает как активная, организующая сознание людей сила, объединяющая их вокруг решения вполне определенных, конкретных исторически назревших задач. Однако мифологичность идеала ярко отражается в афоризме: «Идеал как горизонт, по мере приближения к которому тот отдаляется».

Важнейшей формой и условием как общественного, так и личностного бытия является время. Прошлое для человека в психологическом плане более мифологично, чем настоящее. Для этого существует ряд причин. Прошлое уже прошло, реально оно уже не существует. Однако оно живет в памяти, в эмоциональном отношении к нему и переживании этого отношения. Историческая память избирательна, она нередко делает акценты на такие события, которые субъективно значимы, игнорируя другие. Прошлое может выступать как причинная основа настоящих явлений и отношений. Память услужливо изменяет психологическое отношение к событиям в прошлом в свете новых чувств, мыслей настроений. Этим, к примеру, можно объяснить, почему сегодня существуют как минимум две